

С Е Р И Я

АКАДЕМИЯ
МЕРТВЫХ ДУШ

ГОТОВЯТСЯ К ВЫХОДУ:

ТОМ

НЕЧАЯННАЯ НЕВЕСТА

ТОМ

ПРОРИЦАТЕЛЬНИЦА

МАТИЛЬДА
СТАРР

АКАДЕМИЯ
МЕРТВЫХ ДУШ

НЕПРАВИЛЬНАЯ
СТУДЕНТКА

Москва
2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С77

В оформлении переплета использованы элементы дизайна:
Victoria Bat, monkographic / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Автор иллюстрации на обложке — *Ольга Савченя*

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:
Leonid Zarubin, WinWin artlab / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Старр, Матильда.

С77 Академия мертвых душ. Неправильная студентка / Матильда Старр. — Москва : Эксмо, 2022. — 352 с.

ISBN 978-5-04-162159-9

Юлия — самая обычная девчонка. Ей вот-вот исполнится восемнадцать, она счастлива и влюблена. Как же обидно и несправедливо — именно в этот момент погибнуть под колесами машины!

Только оказалось, что это еще не конец. Юлия внезапно приходит в себя в странном, незнакомом мире. Магия здесь — привычное дело, ее используют в быту и преподают в академиях как самый обычный предмет. И Юлии тоже придется учиться — в загадочной Академии мертвых душ.

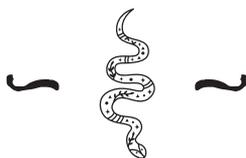
«Никому не верь», — предупредила ее соседка по комнате. Но что делать, если сердце хочет верить. И предательски замирает всякий раз, когда рядом оказывается хмурый магистр боевой магии.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-162159-9

© Старр М., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ПРОЛОГ

Шел снег. Сыпал сверху из непроглядной черноты крупными хлопьями, вспыхивал в ярких отблесках новогодних гирлянд, мягко ложился на плечи и шапки. Редкие прохожие были похожи на сугробы, торопливо передвигающиеся в свете фонарей. Девушка в темном полушубке и шапке-наушниках шла к переходу и быстро говорила в свою гарнитуру:

— Конечно, я приду! Да, я уже вышла! Минут через двадцать буду у тебя. Нет-нет, Новый год можно праздновать где угодно и с кем угодно. А день моего восемнадцатилетия мы будем встречать вместе.

Она улыбалась. Было видно, что собеседник ей очень приятен. А разругавшиеся щеки показывали, что даже более чем просто приятен.

— Каждый, кто родился в десять минут первого, имеет право именно «встречать» день рождения. — Она звонко засмеялась.

И поскользнулась на присыпанной снегом ледянке. Да так, что едва удержалась на ногах, неловко взмахнув руками. Но даже тогда не прервала разговор.

— У меня есть кусочек торта, — улыбнулась она, и хотя тот, с кем говорила, никак не мог ее видеть, покачала сумкой в доказательство. Затем замолчала, слушая его. И, зардевшись, ответила тихо:

— И я тебя! Очень! Скоро буду, жди. Ты ведь уже поставил чайник?..

Продолжая болтать, она шагнула на занесенную снегом зебру пешеходного перехода...

Огромная фура с грохотом летела по скользкой дороге и отчаянно сигналила. Но девушка в шапке-наушниках радостно смеялась чему-то, что говорил ее собеседник, и ничего не услышала.

— Что вы наделали?!

Несмотря на крики, вой сирен и прочий шум, молодой голос был так хорошо слышен, словно звучал в полной тишине. И звучал испуганно:

— Ей не время было! Сегодня — точно нет.

Тот, к кому он обращался, ответил не сразу. Но его голос был хриплый и уверенный:

— А через два часа ей бы исполнилось восемнадцать, и тогда бы она не смогла...

Что именно она не смогла бы, не сказал. Видимо, обоим это было хорошо известно.

— А кто сказал, что теперь сможет? И вообще, ей было не время. Не сегодня! Это нарушение. Это... — задохнулся первый голос, звонкий, почти мальчишеский. — Да вы представляете, что с нами сделают?

— Только если узнают. А откуда они узнают, если мы никому не скажем?

Повисла долгая пауза, словно бы один из говоривших обдумывал сказанное.

— Она должна была жить! — упрямо произнес первый голос.

— Еще целую неделю? — с усмешкой произнес второй. — Вот радость-то! Через неделю вероятность гибели — восемьдесят пять процентов.

— Восемьдесят пять — это не сто! — не сдавался молодой.

— Восемьдесят пять — это почти сто. Хватит болтать, пора убираться отсюда, пока нас не заметили.

ГЛАВА

1

Пряно пахло травами и нагретой землей, сверху припекало, по ноге что-то ползло. Я открыла глаза и с удивлением обнаружила, что лежу в высокой траве, над головой ярко голубеет небо без единого облачка.

Села, смахнула с ноги божью коровку, одернула подол... чего-то белого, балахонистого, смахивающего на бабушкину ночнушку.

Перед глазами колыхалось под ветром поле, самое обычное, пестрое, жужжащее, стрекочущее, с редкими кустами и лесом вдалеке.

Я осторожно повернула голову и тут же увидела рядом незнакомого парня, на вид — моего ровесника. Он сидел, облокотясь на колено, и лениво жевал травинку. Высокий, скуластый, светло-

волосый. Летнее солнце словно запуталось среди его пшеничных прядей.

Летнее? Но сейчас же зима. Откуда все это — трава, цветы и солнце?

— Где я? — то ли спросила у парня, то ли просто проговорила в пустоту.

— А сама-то как думаешь? — с усмешкой любопытствовал он, перекатывая травинку из одного уголка губ в другой.

Сама я думать сейчас, кажется, ничего не могла. У меня дико раскалывалась голова, да и все тело ломило так, будто его пропустили через мясорубку. Птичьи трели из леса, стук дятла, жужжание шмелей и даже стрекот кузнечиков гудели в висках набатом.

Последнее, что помню, — это огромная махина, которая сминая меня под своими колесами. И хлопья снега, летящие прямо в лицо...

Но после такого оказываются в больнице. Или вообще нигде не оказываются. Но уж точно не отправляются на цветущую лужайку.

— Я попала под машину... — Уверенности в моем голосе не было.

— Точно! — неизвестно чему обрадовался парень. — Раскатало по асфальту в лучшем виде. Сразу насмерть! — Он улыбался, хотя повода для улыбок я тут не видела. — А нечего ходить в наушниках, и на дороге по сторонам смотреть надо.

— Там... горел зеленый, кажется... — непонятно зачем начала оправдываться я.

— Может, и зеленый, — пожал плечами он. — Да только у фуры тормоза отказали или еще что-то сломалось. Ей по барабану было, какой там свет. Ладно, хватит болтать, пошли быстрее, пока ты не вырубилась. Тащить тебя я не нанимался.

Все это было похоже на бред. Так, значит, я умерла? На меня наехала фура? И теперь я оказалась в странном месте и в странной одежде?

Слишком много всего и сразу свалилось на меня. Это невозможно было ни удержать в голове, ни как-то разложить по полочкам. Меня хватило лишь на то, чтобы бестолково пробормотать:

— Куда тащить? Не надо меня никуда тащить...

— В твою комнату, конечно. Или ты на улице спать собралась?

Я нигде не собиралась спать. По крайней мере, до тех пор, пока не пойму, куда попала.

— В мою комнату? У меня тут нет никаких комнат. Что это за место вообще?

— Место как место. Академия мертвых душ, — он почему-то усмехнулся. С сожалением выплюнул травинку и поднялся. — И вообще. Объяснять — не моя забота. Моя забота — принять и отвести в комнату. Там ты будешь дрыхнуть сутки. Все заморыши сначала спят, не пугайся. А потом уже станет ясно, кто ты и куда...

— Спать? Я совершенно не хочу спать. И в комнате тоже не хочу.

Впрочем, все это говорила уже на ходу, торопливо ступая босыми ногами по колючей траве вслед за светловолосым.

— Это тебе только так кажется. Давай пошевеливайся.

А я и так шла быстро, как могла: каждый шаг отзывался болью во всем теле. Но все же успела оглядеться по сторонам. И никакой академии или вообще чего-то, похожего на здание, не увидела. Только поле, кусты да темнеющий неподалеку лес.

Куда вообще меня ведет этот подозрительный тип? Впрочем, этим вопросом следовало задаться раньше.

Домик, маленький, бревенчатый, словно выткался в воздухе за ближайшим кустом. Секунду назад я его не видела, а теперь вот — стоит. Три окна, покатая крыша, крыльцо в несколько ступенек, с перилами и козырьком над дверью. Сам же куст оброс колючками и бутонами, стал похож не то на жасмин, не то на шиповник. Рядом проявился еще один, тут же еще. По кусту под каждое окно. А перед ними выросла скамейка, гладкая, деревянная, широкая...

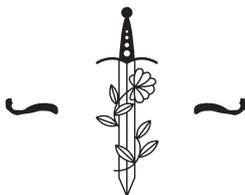
Я зажмурилась, поморгала: нет, все это никуда не исчезло.

Тем временем светловолосый поднялся на крыльцо, завоzilся с дверью. И тут я почувствовала, что и правда хочу спать. Причем не про-

сто хочу, а буквально падаю с ног. Я опустилась на скамейку, хотела сказать парню: «Погоди немного», но слова словно застряли у меня в горле. А сама я качнулась и упала на нагретые солнцем доски.

— Ну елки-палки! — слышала я уже сквозь сон. — Два шага не могла пройти! Тащи теперь ее...

2

Сон был густым и вязким, с короткими и тревожными сновидениями. Несколько раз я словно выплывала на поверхность и там видела незнакомые лица, слышала обрывки фраз: «Сон неглубокий», «Она все время просыпается», «Не удерживается...», «Это может повлиять на дальнейшую...»

Я даже успевала понять, что люди говорят обо мне и, по их мнению, спать мне надо крепче.

А вот на что это может повлиять, так и не услышала, снова провалившись в омут дремоты, тяжелый, беспокойный, мутный.

После бесконечных блужданий между сном и реальностью я наконец проснулась.

Проснулась по-настоящему, вспомнила все, что произошло до этого. И с минуту лежала, вытянув-

шись на кровати и не рискуя открыть глаза. Больше всего мне хотелось, чтобы случившееся и вправду оказалось ночным кошмаром. Чтобы сейчас я проснулась в своей постели, в своей пижаме, в своей комнате. Вскочила бы и побежала на кухню — пить чай и пересказывать сестре дурацкий сон.

Но когда открыла глаза, стало ясно, что ничего не получится. Я лежала на кровати в небольшой комнатке. Совсем небольшой: вдоль бревенчатой стены слева от двери были втиснуты огромный шкаф, упирившийся массивным боком в изножье моей кровати, и сама кровать. Рядом, у ее изголовья, прямо под окном с простецкими занавесками уместилась тумбочка, уставленная склянками. Вдоль противоположной стены с еще двумя окнами тянулись две лавки, на одной из которых сидела немолодая, но крепкая женщина в длинном балахоне темно-зеленого цвета и в косынке, такой же темно-зеленой.

— Оклемалась, наконец-то, — с улыбкой сказала она. — А мы уже боялись, что так и не выберешься из междумирья.

— Из междумирья? — переспросила я.

— Ну да, свой мир ты уже оставила, а в наш еще толком не пришла.

Значит, ничего мне не показалось и не приснилось. Я действительно погибла в своем мире под колесами фуры и действительно каким-то невероятным образом оказалась здесь.

— Меня зовут Арманда. Я помощник лекаря. Первые дни ты можешь чувствовать себя неважно. Так бывает... Если что — не мешкай, сразу же ко мне!

Она ненадолго исчезла за дверью, чтобы вновь появиться с подносом, на котором ароматно дымилась доверху наполненные тарелки и кружка. Поставила на лавку и строго велела:

— Ешь хорошо! Тебе нужно набираться сил. Вечером — разбор!

Последнее слово она произнесла как-то особенно торжественно. Но на меня это не произвело впечатления.

Есть мне совершенно не хотелось, а хотелось совсем другого. Задать те сотни вопросов, которые теснились в моей голове. Узнать хоть что-то о месте, где я оказалась, и, желательно, о том, как мне отсюда выбраться.

— Ну? — Арманда обвела комнату взглядом. — Вроде бы тут все. Мне пора в лазарет.

— Пойдите! — взмолилась я, прежде чем она выскользнула за дверь. — Но у меня еще столько вопросов...

Вывалить на нее сразу всю сотню я не рискнула — так можно и вовсе ни одного ответа не получить. И поэтому задала главный:

— Как мне вернуться домой?

Лицо Арманды мгновенно стало печальным и скорбным.

— Боюсь, деточка, мне придется тебя огорчить. Домой ты не вернешься. Там ты умерла. И это — окончательно и бесповоротно.

Слезы тут же навернулись на глаза. Хотелось кричать, крушить мебель, с грохотом перевернуть к чертям поднос. От отчаяния и боли. От всего того невыразимого, что творилось сейчас в моей душе. Только вот сил на это не было.

— Не о том тебе надо думать.

— А о чем? — машинально спросила я.

— О том, чтобы поправиться. Чтобы зацепиться за этот мир. И обучение пройти. Без обучения совсем пропадешь.

— В Академии мертвых душ? — вяло пробормотала я, вспомнив, что говорил светловолосый.

Арманда почему-то рассердилась:

— Это кто тебе уже такое наплел? Гратис небось? Уж я ему устрою за то, что на язык несдержан. Лепит что попало! Нормальная у нас Академия, живая.

— А как же... — начала я говорить дрожащим голосом.

Но она остановила меня жестом.

— Прости, деточка. Времени нет отвечать на вопросы. Скоро явится Эрмилина, твоя соседка. Вот у нее и спрашивай хоть до бесконечности.

Арманда напоследок кивнула на поднос:

— Ты ешь, не бойся. Все качественное, по вашим рецептам сделанное. На непривычную еду будешь позже переходить. А пока щадящая диета.

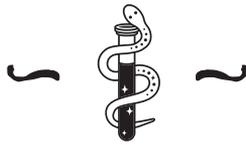
И, не дав мне произнести ни слова, выскочила наружу.

Я осталась наедине с собой и своими мыслями. А те словно ждали: обрушились разом нестерпимо горькой волной, невыносимой тяжестью. Жгли изнутри, давили, ранили, не давая дышать...

Когда у тебя умирает кто-то близкий, ты теряешь одного человека. Это больно, чертовски больно и обидно, но выносимо. А когда умираешь ты сам — разом теряешь всех. Как будто бы все они умерли в одно мгновение. И тебе приходится жить без них. Мама, сестренка Алена, Алекс, подруги, знакомые, соседи — все. И даже хмурый охранник в университете. Никого! Одна я в чужом незнакомом мире, который неизвестно как меня примет и какие сюрпризы приготовит.

Я в отчаянии стукнула кулаками по кровати и разрыдалась.

3

Эрмилина действительно появилась позже. Когда я выплакалась и даже успела обнаружить возле дверей что-то похожее на белые тапочки (видимо, в комплект к тому савану, в который меня нарядили), обуться, найти в доме ванную, умыться, вернуться к себе и вновь сесть на кровать, не зная, чем заняться.

Она оказалась невысокой худенькой блондинкой. Личико сердечком, серые глаза, пухлые губы. Обычная, каких сотни. А вот стрижка чудная. У нас такие точно не носят. Стройная фигурка, платье глубокого изумрудного цвета чуть ниже колена. Уж не знаю, по каким признакам, но сразу было видно — это форменная одежда, и цвет явно означает принадлежность к факультету или клану, или что тут у них.

Арманда говорила, что соседка ответит мне на все вопросы. Что ж, думаю, это будет долгий разговор. Если, конечно, она не пошлет меня к чертям и не оставит саму разбираться с тем, что тут происходит.

— Привет, Юлия! — сказала Эрмилина с порога так, что сразу стало понятно: знакомиться нам не придется. Она точно знала, кого определяют ей в соседки.

— Привет, Эрмилина, — ответила я, желая максимально ускорить процедуру знакомства и скорее перейти к прояснению моей ситуации.

Но она окинула взглядом поднос с нетронутыми тарелками и покачала головой:

— Тебе надо поесть. Не хватало еще, чтобы упала в голодный обморок на разборе. Поверь, ситуацию это не улучшит. Давай сделаем так: ты быстренько сметаешь свой обед, а я пока переоденусь и умоюсь. А потом отвечу на все твои вопросы. Ты ведь явно хочешь все знать?

Я вскинула на нее удивленный взгляд. С чего бы ей знать, чего я хочу? Но она лишь качнула головой.

— У новеньких всегда много вопросов. Так и должно быть.

Поставленная в жесткие условия «информация за еду», я метнулась к подносу и быстро уговорила тарелку борща. Потом прикончила суши и спагетти. Интересные же у них представления о моей привычной еде.

Эрмилина не обманула. Появилась на пороге моей комнаты практически в тот момент, когда я допивала остывший чай.

— Вот и отлично. — Она удовлетворенно посмотрела на поднос и, как только я опустила на него чашку, хлопнула в ладоши.

Поднос исчез. Просто исчез из комнаты, черт возьми! Я видела это своими глазами! Или показалось?

Я потерла глаза, встряхнула головой. Может быть, это все еще продолжают видения из моих снов? Но нет. Лавка была пуста.

— Прости, — Эрмилина покаянно сложила руки у груди. — Я тебя не предупредила. И для человека из твоего мира это немного непривычно, понимаю.

— Что ты сделала с подносом? — прошептала я, опускаясь на кровать.

— Забросила его на кухню, конечно...

Она говорила об исчезновении как о чем-то совершенно обычном.

— И как ты это сделала?

— С помощью магии. Самой обыкновенной бытовой магии.

Магии, значит... Я сидела и не могла поверить своим ушам. Обычной бытовой магии. Ничего особенного... Ну да.

— Понимаю, звучит странно, — кивнула Эрмилина, прошла и опустилась на лавку напротив меня. — Тебе многое тут покажется странным, но ты привыкнешь.

— Итак, у вас есть магия.

— Да-да. Это первое, что ты должна узнать. А второе — все, кто приходит из вашего мира, магически одарены, и довольно щедро. Собственно, именно поэтому вас и приглашают сюда.

— Приглашают? — горько усмехнулась я. — Да меня просто сбила машина! Как-то это не очень похоже на приглашение.

— Нет, нет! — Эрмилина замахала руками. — Машина не из-за нас. Она сама по себе. Наоборот, тем, кто погиб молодым, у нас вроде как дается второй шанс все-таки прожить жизнь.

— То есть я в любом случае умерла бы в своем мире?

— Да. И тебе еще чертовски повезло.

— Повезло? Мне так не кажется.

— Ты погибла за пару часов до своего восемнадцатилетия.

— И это ты считаешь везением?

— Вообще-то да. Никто старше семнадцати не попадает в наш мир. Еще пару часов — и ты просто умерла бы навсегда.

Я замолчала, пытаясь посмотреть на случившееся с точки зрения «второго шанса». Но уверенность в том, что мне повезло, так и не появлялась. Одно дело — просто умереть, и совсем другое — начинать жить в другом мире, совершенно чужом, с его законами, магией и черт знает чем еще, что мне предстоит выяснить. И пока не могу сказать, что в восторге от этого.

— Считается, что взрослые плохо адаптируются, — увидев, что я молчу, Эрмилина заговорила сама. — Будь осторожна. Магические силы иногда проявляются спонтанно. Старайся не оставаться одна, особенно в первое время. И ради бога, прежде чем что-то сделать, спрашивай у меня, к каким последствиям это может привести. Главное, не попадай в неприятности.

— А ты что, вроде как моя нянька? — усмехнулась я.

— Вроде того, — серьезно отозвалась она.

— И за что же тебе такой подарочек?

Эрмилина замялась, но все же ответила:

— Ты будешь учиться в пятой королевской академии. Единственная академия, где обучаются иномирцы...

— Поэтому ее называют «Академией мертвых душ»? — перебила я.

Она улыбнулась:

— Это, так сказать, очень неофициальное название. Не используй его, когда будешь говорить с преподавателями или кем-нибудь из администрации. Им это не нравится.

То-то Арманда была недовольна!

— Обучение в Академии очень дорогое, — продолжила Эрмилина.

Я встrepенулась. Я сюда попала совершенно без денег. И даже не знаю, как выглядят местные деньги. А теперь, оказывается, на меня могут повесить неслабый долг за обучение?

— Не переживай. Для вас оно бесплатное. Считается, что будущей работой во благо короны все иномирцы с лихвой компенсируют затраты на обучение. Для местных же ситуация другая. Если твои родители не богачи и у тебя нет сногшибательных магических данных, таких, что академии готовы сражаться за право тебя обучать, то шансов получить образование очень мало. И один из них — оказаться соседом кого-то из иномирцев и помочь ему освоиться. Разумеется, наукам, мироустройству и всему прочему тебя будут учить. Но каким-то простым бытовым вещам вроде того, где покупать одежду, с кем стоит спорить, а с кем нет, как укладывать волосы... В общем, для этого у тебя есть я. И если ты не справишься, неприятности будут и у меня тоже.

Я немного помолчала, обдумывая сказанное. А потом спросила:

— И что же мне следует знать? Есть что-то самое важное?

Она ответила быстро, не раздумывая:

— Есть. Никому не верь.

Предупреждение Эрмилины оптимизма не добавило. Напротив, как-то сразу стало понятно, что место это не самое дружелюбное.

— Неужели совсем никому?

А преподаватели? Врачи? Или нет, тут они лекари...

Она пожала плечами:

— Во всяком случае, никому из тех, с кем будешь учиться. Их хлебом не корми, дай поиздеваться над заморышами.

— Над заморышами? — переспросила я.

Эрмилина, кажется, смутилась:

— Ну... над теми, кто попал сюда после смерти...

— Ясно.

— Пожалуйста, Юлия, будь осторожна! Тебя могут попросить повторить какое-нибудь разрушительное заклинание. Со всеми вытекающими последствиями. Или «подсказать» дорогу. Отправить в библиотеку за чаем или еще какую-нибудь глупость могут придумать. И далеко не все их каверзы так уж безобидны. Одного из ваших добрый однокурсник вместо столовой отправил в загон с ламиями. И это могло очень плохо кончиться!

Ламии? Это еще кто? Судя по всему, ничего хорошего. Уж точно не ласковые кошечки. Нет-нет, пока не хочется вдаваться в такие детали. Узнаю потом. Тут понять бы, как себя вести.

— И за что же нас так не любят?

— Каждый из местных годами готовился к университету, учился, развивал магический потенциал, выдерживал трудные экзамены. А вы просто появляетесь и получаете сразу все...

— Я вовсе не просила меня сюда засовывать, — сердито буркнула я в ответ.

— Да это понятно! И конечно, понятно, что ваш магический потенциал несравнимо выше, чем у любого в королевстве. Но понимать и при-

нимать — разные вещи, — вздохнула она и добавила: — А еще представь себе, что у каждого из них есть знакомые, друзья, сестры, братья, которые хотели бы поступить в Академию, но не поступили. В общем, надеяться на доброжелательность кого-то из них я бы не стала...

Пожалуй, и я не стану. Ладно, с местными разобрались. Но...

— Но ведь остаются еще и наши, те, кто так же, как я, попал сюда, вовсе этого не желая.

— О нет, тут на дружбу точно можно не рассчитывать, — покачала головой Эрмилина. — Наши, конечно, вас недолгобливают, но в целом делить тебе с ними нечего. А вот для иномирцев с самого начала заготовлены места, где они будут работать после Академии. Какие-то получше, какие-то похуже, понимаешь?

— Нет, — честно призналась я.

— Если для коренных жителей королевства вы просто бельмо на глазу и заноза в заднице, то друг другу вы прямые конкуренты. К тому же многие из ваших сейчас уже не новички, что-то знают и понимают об этом мире. А когда-то и сами были мишенью опасных розыгрышей и насмешек. Так почему тебе должно быть легче?

— Дедовщина какая-то... — тихо пробормотала я, мысленно готовясь к неприятностям.

— Ладно, хватит болтать. — Эрмилина взглянула на некоторое подобие часов у себя на запястье. — Скоро разбор, а туда лучше не опаздывать!

ГЛАВА

4

Мы шли в Академию все по тому же бескрайнему полю. Сначала я крутила головой, пытаюсь высмотреть хоть что-то похожее на здание.

Ни-че-го!

Ни домов, ни людей. Лишь синь неба над головой и колышущееся море травы до самого горизонта. Даже лес словно отодвинулся, темнел где-то далеко-далеко длинными полосами, что справа, что слева.

Интересно, и где же эта обитель магических знаний? Под землей? Иначе мы и к вечеру до нее не доберемся.

Только я повернулась и открыла рот, чтобы спросить, как Эрмилина задумчиво сказала:

— А ты молодец, неплохо держишься!

В ее взгляде скользнуло что-то похожее на уважение. А тон был настолько серьезным, что по спине пробежал холодок.

— Что ты имеешь в виду? — сглотнула я, немного притормозив.

Может, мне не стоит так уж торопиться в Академию? Может, разбор, о котором тут все говорят, — это какое-то жуткое действо? Я невольно поежилась и тут же на себя рассердилась. Ну не на органы же они меня разбирать будут! Для этого можно было не выхаживать и не кормить, да и на вопросы отвечать необязательно.

— Совсем немного поплакала — и все, бодрячком, — охотно пояснила Эрмилина. — А обычно ваши по несколько дней рыдают. И на разбор идут такие, что краше в гроб кладут.

Она тут же смутилась, прикрыв ладошкой рот. Ну да, выраженьице не слишком деликатное, особенно для того, кто только что умер. Я тихонько вздохнула.

«Бодрячком» я вовсе не из-за какой-то особенной силы духа. Не было ее у меня никогда, чуть что — в слезы. Просто кое-что изменилось в тот момент, когда Эрмилина легким движением руки растворила в воздухе поднос и сообщила, что в этом мире есть магия.

Решение пришло само собой, сложилось буквально в одно мгновение. Тут есть магия, и меня будут учить ею пользоваться. Да я стану самой-са-

мой прилежной ученицей, которую только видели стены Академии мертвых душ, и обязательно постигну магическую науку! А потом найду способ вернуться домой.

Значит, некогда рыдать, нужно действовать.

Но делиться этими мыслями с Эрмилиной я не стала. Думаю, ими здесь вообще ни с кем не стоит делиться. Пусть считают, что я смирилась. А тем временем можно искать способы достичь своей цели.

— А что это за разбор такой? — спросила я, чтобы увести разговор от опасной темы.

Разбор, о котором говорила сначала целительница, а следом за ней и Эрмилина, оказался не чем иным, как распределением. Во время него многого от меня не потребуется, только возложить руки на специальный шар. А уж дальше все будет зависеть от того, как он засветится.

В Академии есть пять факультетов. И у каждого собственный цвет.

Те, под чьими руками шар загорается красным, примеряют на себя алые мантии и идут изучать суровую боевую науку, становясь студентами Факультета Защиты.

Если шар засветится изумрудно-зеленым — учиться придется на Факультете Заботы, там готовят целителей.

Золотистым свечением отмечают те, кому прямая дорога на Факультет Ясности. Там готовят предсказателей. Впрочем, насколько я поняла,

мне это вряд ли грозит. Эрмилина сказала, что иномирцы туда не попадают.

Серебристо-серый — цвет Факультета Справедливости. Это вроде нашего юридического.

Ярко-синий — Факультет Созидания. Туда, похоже, собрали сразу все естественные науки: биологию, географию, генеалогию и прочая, и прочая. Его выпускники изготавливают всяческие амулеты и артефакты. Их поэтому еще называют артефакторами.

Все эти знания им ой как нужны. А ну как в важный артефакт не тот камень засунешь или шерсть не того зверя. Эффект может быть крайне разрушительным...

Выслушав этот небольшой перечень вариантов, я приуныла. Вряд ли умение ваять артефакты, знание местных законов или боевые приемчики помогут мне вернуться домой.

Ну что за невезение, а? Целых пять факультетов, и ни на одном не готовят, к примеру, открывателей порталов или специалистов, которые путешествуют по мирам!

Впрочем... Магии-то меня на любом научат. А дальше сама разберусь. Наверняка тут есть библиотека. А может, и факультативы имеются нужные...

Ладно. Пусть распределяют куда угодно. А дальше будет видно.

Я немного повеселела и покосилась на шагающую рядом Эрмилину. Та буквально сияла.

— Никогда не была на разборе у ваших, ну, у иномирцев! — восторженно выпалила она, перехватив мой взгляд. — Только слышала, что там обычно такая иллюминация, такое яркое свечение, просто красота красивущая!

Я понимающе кивнула. Ну разумеется! Будь это иначе, разве бы стали они заморачиваться да тащить к себе мертвецов из параллельного мира? Точно бы не стали.

Еще шаг, и я вскрикнула от неожиданности: на расстоянии десятка метров стоял... замок! Секунду назад было ровное поле, а теперь возвышалась каменная громадина с узкими стрельчатыми окнами, несколькими башнями, острыми шпилями, воткнувшимися в небо. И массивными двустворчатыми дверями единственного входа, к которому вели несколько широких и длинных ступеней.

Прямо от стен начиналась вымощенная серыми плитами площадь, плавно переходящая в поле. Причем «плавно» — в буквальном смысле. Те плиты, по которым мы шли, были вполне нормальными. А вот чем дальше от нас, тем более прозрачными они становились и тем сильнее сквозь них виднелась трава! Слово одно изображение наложили на другое, размыв по краям.

— Что-то случилось? — встревоженно спросила Эрмилина.

— Замок... — растерянно пробормотала я. — Он появился ниоткуда! Как такое вообще может быть?

Она с облегчением выдохнула и рассмеялась:

— Замок стоял тут всегда, просто ты его не видела. От непосвященных все скрывается. Вот после разбора рассмотришь...

— Но теперь я же его вижу. А разбора еще не было...

— Это потому, что ты со мной... Чужак не увидит ни замка, ни домиков, ни площади с магазином. Была бы одна, так бы и промчалась сквозь замок, ничего не заметив.

— Э, нет, постой! В домик-то я вошла...

Хотя нет, не вошла. Бесславно развалилась на скамейке. Вихрастому блондину пришлось меня туда затаскивать. Эта мысль заставила меня покраснеть.

— Ты ведь тоже была не одна. Встречающий привел.

Мы поднялись по ступеням, немного неровным, стертым тысячами ног, Эрмилина потянула на себя тяжелую створку. Робея, я шагнула в обитель знаний и удивилась тому, как тут тихо. Студенты в разноцветных мантиях ходили туда-сюда, но либо молчали, либо переговаривались шепотом.

Да, совсем непохоже на гул и гомон в коридорах моего универа.

В своем саване и тапочках я смотрелась белой вороной в яркой радужной стае колибри. Но никто не тарасился, не показывал пальцем и не посмеивался. Видимо, все новички так выглядят...

— Нам к ректору, — сказала Эрмилина и бодро потащила меня за руку вверх по широкой лестнице. — Его кабинет на втором этаже.

Но, оказавшись перед солидной деревянной дверью, она как-то разом сникла и съежилась.

— Что-то не так? — спросила я.

— Нет, все нормально. Просто ректор у нас... В общем, его тут все побаиваются, — пробормотала Эрмилина. И шепотом добавила: — И правильно делают...

Едва она подняла руку, чтобы постучать, как дверь распахнулась сама, и на пороге возник высокий крепкий старик с окладистой седой бородой, ни капли не поредевшей шевелюрой и кустистыми бровями. Он вовсе не выглядел устрашающе, наоборот, был похож на Деда Мороза в штатском. Но по тому, как испуганно округлились глаза Эрмилины, я поняла: это и есть ректор, великий и ужасный.

— Здравствуйте, магистр Теркирет, — сказала она срывающимся от волнения голосом. — А я вот с новенькой. Мы на разбор.

Кустистые брови удивленно шевельнулись.

— Никаких новеньких и никаких разборов в моем расписании нет, — пророкотал магистр Теркирет низким, хорошо поставленным голосом.

— Ну как же? — пролепетала Эрмилина. — Вот же, прибыла три дня назад, сегодня вышла из спячки. — Она посмотрела на меня так, слов-

но уже и сама сомневалась, что я стою рядом. — И что теперь делать?

Ректор пожал плечами:

— Что делать, что делать. Раз пожаловала, будем распределять.

Он развернулся и шагнул обратно, мы потопали за ним. Я с любопытством огляделась. Массивный письменный стол, за ним кресло, у стены книжный шкаф, вверху дверцы со стеклом, внизу глухие. Ряд стульев вдоль второй стены, пара кресел у третьей. Обычный кабинет, ничего особенного. Разве что все большое, под стать хозяину. Ректор тем временем извлек из нижней части книжного шкафа слабо мерцающую сферу и водрузил на стол.

— Ну, проходите, абитуриентка, — сказал он, прямо взглянув на меня.

Я приблизилась, положила руки на сферу и напряженно вгляделась. Прошло несколько секунд, и сфера тускло, едва различимо засветилась алым.

Эрмилина ахнула, да и ректор выглядел удивленным.

— Вот это да! — нахмурился он. — Девушка на Факультете Защиты, боевой маг — это уже странно. Но отправить в боевые маги студента с таким низким магическим потенциалом — это и вовсе нонсенс. А если учесть, что этот самый низкий потенциал обнаруживается у иномирянки...

Он снова уставился на шар, словно надеясь, что тот передумает и на этот раз покажет что-нибудь

другое. Но шар продолжал едва-едва мерцать алым.

Значит, я боевой маг... Эта новость меня расстроила. Я слабо представляла, чему учат боевых магов, и все же могла догадаться: вряд ли они много времени уделяют тайнам вселенной и вопросам перемещения из мира в мир.

Ну научат меня сражаться. И что? Как это поможет мне вернуться домой? Разве что я смогу захватить в заложники короля и потребовать, чтобы лучшие маги мира решили эту задачу за меня. Да и с захватом я вряд ли справлюсь, раз уж магический потенциал у меня на уровне ящерицы.

Я грустно вздохнула. Впрочем, могло быть и хуже. Если бы меня распределили на юридический или целительский, это помогло бы мне еще меньше. Ладно, я же уже решила, что главное — постигнуть основы, а остальное можно найти и в свободное от учебы время в старинных толстых колдовских книгах.

— И что теперь будет?

— То же, что и всегда, — буркнул ректор, — Завтра приступите к обучению.

Из его кабинета мы вышли задумчивые и удрученные. Уж не знаю, кто больше — я или Эрмилина. Наверное, все-таки я.

То, что произошло на разборе, мне совсем не понравилось.

Значит, всех «наших» сюда берут исключительно за магические способности, а у меня этих

магических способностей — кот наплакал. Напрашивается неутешительный вывод: я здесь не очень-то и нужна. Но отправлять меня назад никто не собирается. Видно, и впрямь считают это невозможным, а каким-то другим способом избавляться от «некондиции» тут не принято.

Впрочем, насколько я поняла из слов ректора, оказаться слабаком на факультете боевой магии — так себе развлечение. И если он все равно отправляет меня туда учиться, может быть, просто рассчитывает на то, что проблема решится сама собой? Зацепит случайно шальное заклинание, и нет больше бесполезной студентки.

Не дождетесь! Я буду просто предельно, предельно осторожна!

— А он не выглядит пугающим... Ну, ректор, — сказала я, просто чтобы прервать затянувшееся молчание.

— Это только на первый взгляд. Ходят слухи... — Эрмилина наклонилась к самому моему уху, — что он знает о людях абсолютно все. Вот так посмотрит на тебя, и уже в курсе даже самых тайных твоих помыслов. Поэтому никто особенно не стремится попадаться ему на глаза.

Я усмехнулась про себя... Вот, значит, как. Сходства с новогодним дедушкой у ректора, оказывается, еще больше, чем я поначалу подумала. Он тоже знает, кто из ребятишек себя плохо вел и кому вместо подарков положен уголь. Или это Санта-Клаус? Да какая разница...

— Куда мы теперь? Возвращаемся в домик?

— Нет, конечно, — ответила Эрмилина. — У нас еще куча дел.

Ни о какой куче дел я не слышала. Меня вели на разбор. А он, благополучно или не очень, закончился.

— Сначала мы пойдем к Гариетте... к кастелянше, — поправилась Эрмилина в ответ на мой вопросительный взгляд, — и получим твою студенческую карту.

Студенческую карту? Это, видимо, что-то вроде нашей зачетки.

— Еще Гариетта снимет мерки для форменного платья и мантии, их выдадут завтра.

Отлично. Белый саван мне уже надоел.

— Ясно, — кивнула я. — А потом домой?

— Нет же. Потом хватаем в руки студенческую карту и по магазинам. У тебя ведь совсем ничего нет: ни платьев, ни обуви подходящей, ни гигиенических принадлежностей. Не говоря уже об учебниках и прочем!

Ага, значит, я ошиблась, и студенческая карта — это что-то вроде кредитки.

— Ну что ж, пойдем, — уже бодрее сказала я.

Небольшой шопинг — как раз то, что сейчас нужно моей израненной душе.

Кастелянша была похожа на сдобную булочку: такая же пухленькая, кругленькая, румяная и милая. Едва дверь хлопнула, она выскочила из-за громадного стеллажа и встретила меня так ра-

достно, словно я была ее любимой племянницей, вернувшейся из дальних странствий.

Ловко орудуя портняжной лентой и делая пометки в блокноте, Гариетта шустро бегала вокруг меня и ни на секунду не закрывала рта. Она выразила соболезнования по поводу моей недавней кончины и надежду, что здесь у меня все сложится идеально.

В этом я очень сомневалась, и все же слышать такое было приятно, особенно после более чем прохладного приема ректора. Напоследок она вручила мне карту, действительно похожую на кредитку, подмигнула и сказала:

— Желаю вам хорошенько повеселиться!

— Это она о чем? — тихо спросила я, как только дверь за нами закрылась.

— Ну-у-у... — протянула Эрмилина, шагая к выходу, — у заморышей... то есть, прости, у иномирцев, довольно высокая стипендия. Так что ты много чего можешь себе позволить.

— Понятно, — кивнула я.

А про себя добавила: понятно, почему нас так не любят.

Толкнув створку, я шагнула за дверь и ахнула.

Никакого поля больше не было. Передо мной жил своею жизнью настоящий студенческий городок!

От нижней ступени Академии начиналась огромная площадь, от которой в разные стороны отходили небольшие улочки. Справа вдоль пло-

щади тянулись ряды лавок и магазинчиков, слева шумел тенистый парк с газонами, скамейками и лужайками. А впереди виднелись ровные ряды домиков, точь-в-точь похожих на мой. Вернее, на наш с Эрмилиной.

И везде, везде сновали студенты в алых, золотистых, серебристых, изумрудных и синих мантиях.

Интересно, это студенческая карта сделала меня посвященной? Или сфера, за которую я подержалась? Впрочем, неважно. Главное, что я теперь все-все вижу!

— А за самой Академией, с той стороны, тоже есть что-то? — с любопытством спросила я.

— Есть, и много чего, — отозвалась Эрмилина, косясь в сторону магазинов.

Ей явно не терпелось туда рвануть. Впрочем, мне тоже.

— Ну что, начнем с нарядов? — подмигнула я.

— Спрашиваешь! — просияла она.

И мы, сбегав по лестнице, свернули направо и прежде всего зашли в тот магазин, где в витринах стояли манекены, наряженные в невообразимые одежды.

— Добрый день, — дежурно улыбнулась продавец, а может, и хозяйка лавки, дама в возрасте, худая как жердь, с чрезмерно яркими красными губами на бледном лице. Она была одета в вычурное платье, но вряд ли это могло стать хорошей рекламой: наряд плохо на ней сидел.

— Купим несколько платьев на каждый день, — перечисляла тем временем Эрмилина, шагая вглубь магазина, — три-четыре нарядных для особых торжественных случаев...

Продавец, доселе лениво перебиравшая какие-то бумажки за своим столом, мгновенно оказалась рядом и закужила, предвкушая солидную выручку.

— ...и парочку для вечеринок.

— А что, у меня будет время на вечеринки?

Почему-то мне представлялось, что моя жизнь в Академии будет наполнена зубрежкой и оплеухами от более одаренных однокурсников.

— На вечеринки всегда есть время, — уверенно заявила Эрмилина.

Она раздумянулась и теперь буквально пожирала глазами наряды на манекенах. Я, конечно, совсем не разбиралась в местной моде, но ее платье уж точно не было новым. Скорее старым, за которым очень хорошо ухаживали.

— Давай и тебе что-нибудь купим? Выбирай, что нравится!

— Что? — в смятении заговорила она. — Нет, я не могу... Это ведь...

— Это ведь карта, которая просто свалилась мне на голову, — подхватила я. — Послушай, ты же видела, мой магический резерв, прямо скажем, никакой. Может, меня вообще вот-вот отчислят. Так что будем пользоваться тем, что есть, пока оно есть.

Она немного помялась, но потом все-таки кивнула на симпатичное голубое платьице, сшитое из невесомого шелка.

— Отличный выбор! Берем! А еще это и это. И это! — Я показывала на те наряды, на которых она подолгу задерживала взгляд.

Продавец мгновенно сдергивала их с манекенов, складывала в тележку. Горка быстро росла.

Лицо Эрмилины изменилось. Она побледнела, глаза расширились, а потом наполнились слезами. Я даже испугалась, что сделала что-то не так, нарушила какие-нибудь неписанные правила этого мира, обидела ее.

Но Эрмилина шагнула ко мне и порывисто обняла.

— Ты... — бормотала она сквозь слезы, — ты замечательная! Я даже не думала, что ваши могут быть такими... — Она словно не могла подобрать слов.

— Да ну, о чем ты, ерунда, — бормотала я, не зная, куда деться от смущения.

— Нет-нет, совсем не ерунда, — горячо заговорила Эрмилина, разжав объятия и отстраняясь, — вот моя прежняя хозяйка была такая...

— Хозяйка? — переспросила я изумленно.

Она резко замолчала. Глаза испуганно вильнули в сторону, рот округлился, она едва удержалась, чтобы не зажать его рукой, как человек, который понял, что сболтнул лишнего.

Я смотрела на нее выжидательно.

— Ну, возможно, я тебе не все рассказала, — опустив голову, призналась она. — Задача помощников — не только рассказывать иномирцам, что тут к чему, но и выполнять их распоряжения.

Она вздохнула и добавила несчастным голосом:
— Любые распоряжения.

Эта новость меня потрясла. Так вот как тут все устроено для «наших»! Персональные слуги из числа студентов? Ужас. Еще один веский повод, чтобы иномирцев уже не просто не любить, а ненавидеть. Неудивительно, что нам устраивают пакости и презрительно называют «заморышами».

— И что же твоя хозяйка? — спросила я.

— Она была капризной, надменной и злой. И уж точно не брала меня с собой гулять по магазинам.

Это я уже поняла. Меня интересовало другое:

— Куда она делась?

— Сбежала, — тихо проговорила Эрмилина. — Оставила записку, мол, не ищите, в гробу я видала вашу Академию...

— И что, ее не искали?

— Искали, наверное. — Еще один тяжелый вздох. — Да только мне не отчитывались. Я уже думала, последние деньки в Академии доживаю, раз не справилась, а тут появилась ты, и мне дали второй шанс.

Я приобняла ее за плечи и шепнула на ухо:

— А я ни за что не сбегу, не надейся. И дурацких поручений давать не буду, вот даже не проси!

Эрмилина рассмеялась, и с этого момента наш шопинг пошел куда веселее.

Оголив кучу манекенов, мы зашли в лавку «Все для дома». Обстановочка в моей комнате была совсем унылая, и ее следовало срочно исправить милыми взгляду безделушками. После лавки отправились в магазинчик с обувью и сумками.

Приятным обстоятельством было то, что таскать за собой кучи покупок не приходилось: Эрмилина их сразу отправляла домой.

— Круто! — восхищенно выдохнула я, как только очередной пакет растворился в воздухе. — А я тоже так когда-нибудь смогу?

Моя нянька-помощница расхохоталась:

— Ты уже так можешь.

Она сунула мне в руку коробку с чудесными бархатными туфельками:

— Держи. Представь себе, что эта коробка лежит в твоей комнате. Например, на лавке.

Я представила.

— А теперь скажи про себя любое слово, которое обозначает движение. Иди, беги, лети, отправляйся, ступай...

Она бы еще долго перечисляла, но я ее перебила:

— Лети!

Это мне нравилось больше.

И стоило слову сорваться с моих губ, как коробка исчезла!

— А она точно оказалась там? — недоверчиво спросила я. — Не в соседней комнате и не у кого-то другого?

— Там, там, — рассмеялась Эрмилина. — В соседнюю комнату ты не сможешь ничего отправить. Только хозяин.

— Ясно.

И вдруг мне в голову стукнула мысль, от которой по спине побежали мурашки. Черт! А ведь я только что совершила первое в своей жизни волшебство. Самое настоящее! Но здесь, кажется, это было в порядке вещей.

5

До лавки, где продавались книги, тетради и магические принадлежности, мы добрались, когда уже стемнело. Хотя именно этот магазинчик интересовал меня больше всего.

Мне казалось, что по учебникам и магическим принадлежностям я хоть приблизительно смогу представить, чем буду заниматься в ближайшее время — до тех пор, пока меня не убьют или не отчислят...

Я шагнула внутрь и сразу увидела неподалеку от входа высокого широкоплечего мужчину, задумчиво разглядывающего что-то на стеллаже. Его трудно было не увидеть. В магазине теснилась пестрая толпа, но вокруг него было пусто. словно невидимый круг очертили, и народ осторожно,

почти по стеночкам, обтекал этот круг, явно не рискуя приблизиться.

Интересно, кто он? На студента не похож, хотя выглядит молодо. Странный тип. Вроде бы и не киношный красавец, но до чего ж притягательный! Сильное тело, крепкая шея, короткие черные волосы. Смуглая кожа, хмурые широкие брови. Четко очерченные скулы, упрямый, словно высеченный из камня подбородок, изгиб сурово сжатого рта. Ленивые плавные движения, полные скрытой опасной мощи...

И что-то такое было в его взгляде... Я застыла будто вкопанная. Его глаза... Никогда не видела ничего похожего. Светло-серые, как небо зимой, с очень темным ободком по краю радужки и черной бездной зрачка. Какие-то странные, холодные, нечеловеческие, от которых невозможно отвести взгляд. Они гипнотизировали, лишали воли... И где-то в глубине души появилось желание скорее исчезнуть отсюда и больше никогда не попадаться ему на пути. А вместе с ним и другое: подойти ближе, коснуться смуглой кожи, заглянуть в эти особенные, необыкновенные, поразительные глаза, утонуть в них окончательно и бесповоротно.

Почему-то мне казалось, что все мои сложные, противоречивые чувства были написаны на лбу.

Я мгновенно отмерла, отвернулась и стала усиленно разглядывать полку с малознакомыми и совершенно непонятными предметами.

— Здравствуйте, магистр, — тихо сказала Эрмилина за моей спиной.

Мужчина холодно кивнул ей и отошел к другому стеллажу.

— Это магистр Рониур... — шепнула мне на ухо Эрмилина. — Преподаватель огненной магии. Его у нас все боятся...

— Как ректора? — спросила я, пряча улыбку.

Что-то у них тут всех побаиваются... Страшное место, похоже.

— Нет, — совершенно серьезно ответила она. — По-другому. И многие в него влюблены. Но те, которые влюблены, тоже боятся.

Она тихо рассмеялась, а мне смеяться уже не хотелось. Смутная тревога холодком скользнула по спине, внутри странно сжалось. Но, может, так и надо? Раз все его боятся, почему я должна быть исключением? Нет. То, что я сейчас чувствовала, не было похоже на страх. И точно не было похоже на влюбленность.

Пока я пыталась разобраться со своими ощущениями, Эрмилина схватила меня за руку и потащила к прилавку.

— Здравствуйте, леди, — мгновенно материализовался откуда-то продавец с прилизанными волосами. — Чем могу быть полезен? — Он зацепился за меня взглядом и улыбнулся: — А вы, должно быть, новая студентка Факультета Защиты?

— Да. Только я совсем не представляю, что мне нужно для учебы.

— О, об этом не беспокойтесь. — Продавец понимающе кивнул. — Дайте вашу карту, и я соберу вам все необходимое.

Я протянула блестящий прямоугольник, и в следующее мгновение на стеклянную витрину начали ложиться книги: «Убойная магия огня», «Убойная магия льда», «Убойная магия подземелий». И на каждой была приписка: «первый курс». С ними все было понятно: учебники.

Затем с шелестом полетели тетради, укладываюсь в стопки, за ними ручки и перья.

Потом рядом со всей этой кучей на прозрачном стекле стали появляться совсем непонятные предметы: кусочки ткани, стеклянные колбы, что-то похожее на разноцветные бусины, только очень крупные.

Бусины красиво светились. Я взяла одну из них, глубокого синего цвета с блестками, покрутила в руках, потеряла пальцем...

— Осторожно, леди! — голос продавца утонул в чудовищно громком хлопке.

У меня мигом заложило уши. И в то же мгновение словно волна отбросила меня назад. Я врезалась спиной в странно мягкую стену — откуда там стена? — и упала на что-то твердое и теплое.

Надеюсь, не на того преподавателя, что внушает всем ужас и с которым только что здоровалась Эрмилина?

Первое, что я увидела, когда приоткрыла глаза, — это совершенно белое лицо продавца. Его

волосы больше не были прилизанными. Они стояли дыбом, словно его шарахнуло током. Прическа побледневшей Эрмилины, что по-прежнему находилась возле прилавка, выглядела не лучше. Остальной народ разной степени помятости жался к стенам. Стояла такая тишина, что я не сразу поняла, что снова слышу.

Судя по тому, с каким ужасом окружающие тарасились на меня и на то, что подо мной, я и вправду пролетела пару метров, сбила с ног магистра Рониура, и мы вместе грохнулись на пол.

Черт, ну не могла я снести кого-нибудь другого? Такая толпа в магазине, а меня угораздило уронить именно его! Твердое и теплое подо мной шевельнулось, я покраснела и в панике зажмурила глаза. Больше всего на свете мне хотелось потерять сознание, чтобы все, что сейчас произойдет, произошло без меня. Но, увы, сознание не терялось...

Я даже не поняла, как это случилось... Сильная рука крепко обхватила меня, и через секунду магистр Рониур уже стоял на ногах. Вместе со мной. Еще через секунду он поставил меня на пол и голосом, в котором не было ни капли беспокойства, одна сплошная невозмутимость, спросил:

— С вами все в порядке?

Светло-серые невозможные глаза были совсем близко. И хотя они смотрели на меня с тем отстраненным холодным интересом, с которым ученый наблюдает в микроскоп за новым вирусом,

щеки вспыхнули, во рту мгновенно пересохло. А язык намертво прилип к небу, не давая выдавить ни слова.

Но магистр и не ждал ответа. Он окинул меня с головы до ног пристальным странным взглядом, будто просвечивал меня насквозь, сканировал. Ощущение такое, словно меня ощупывали от макушки до пят. Я сглотнула, открыла рот, но он сам ответил на свой вопрос:

— Вижу, все в порядке, повреждений нет.

И вот тут мои и без того алые от смущения щеки просто запылали огнем. Что, черт возьми, он там увидел?

Но тут же последовали новые вопросы:

— Как вы это сделали? Вы использовали заклинания? Какие?

— Нет! Конечно нет! Да я и не знаю никаких заклинаний.

— Тогда что вы сделали?

— Просто взяла в руки такую круглую штуку... вроде бусинки... и потеряла ее.

Чувствовала я себя совсем глупо. Вряд ли стоило хватать руками магические боевые приспособления. Нужно было сообразить, что это может быть опасно.

— И только? — Черная бровь недоверчиво изогнулась.

А вот это было уже совсем обидно. Стала бы я врать!

— Конечно, — сказала я.

Он холодно кивнул и, будто что-то решив про себя, бросил в ответ:

— Ладно. Разберемся позже.

И вышел из магазина, так ничего и не купив.

Больше ни к учебникам, ни к магическим штукам я не прикоснулась. Да мне бы и не позволили. По-прежнему бледный продавец со вздыбленными волосами передавал товар из рук в руки Эрмилине, а та сразу отправляла полученное домой.

Мы вышли из магазина притихшие и задумчивые, какое-то время шли молча, но потом я наконец не выдержала:

— Ну откуда мне было знать, что эти штуки взрываются? И продавец тоже хорош. Такие вещи надо как-то получше упаковывать. Или предупреждать, мол, осторожнее. Понял же, что я новенькая и ничего здесь не...

Я тут же осеклась и прикусила язык. Ведь это Эрмилине поручено следить за тем, чтобы я не ввязывалась в неприятности. И вроде как она должна была предупредить меня не хватать руками опасную штуку. Получается, что я ее обвиняю. А обижать помощницу совершенно не хотелось. Ей и без того приходится несладко.

После недолгого молчания она заговорила:

— Эти штуки — накопители энергии. Они вообще не должны взрываться.

— Вот как?! Тогда почему эта взорвалась?

— Не знаю, — тихо сказала она. — И магистр Рониур, похоже, тоже не знает.

6

В начале мы распаковали все мои покупки, развесили в шкафу наряды, аккуратными стопками сложили на полках белье и прочие мелочи, пристроили сумки, расставили обувь.

К учебным принадлежностям я теперь боялась даже притрагиваться, поэтому разбирала их Эрмилина. На одну полку она отправила стопки тетрадей и ручки, на вторую поставила толстенные учебники, на третьей, самой верхней, оказалась та самая куча непонятных штук, рассортированная по красивым коробочкам.

Жаль, что полка не бронированная. Вдруг что-нибудь опять взорвется.

— Спасибо, — искренне сказала я.

— Зови, если что, — подмигнула Эрмилина.

И умчалась к себе. Теперь она, радостно напевая, забивала свой шкаф, а я, как могла, украшала комнату. Закончив, огляделась и довольно выдохнула. Надо же, всего-то кружевные шторы на окна, пушистый плед на кровать, куча ярких подушек на лавки, несколько картин в резных рамах на стены (главное, приколачивать не надо, магически прилипло), пара вазочек, две мягкие игрушки — и стало уютно и мило, совсем домашнему.

Я повалилась на кровать и, с наслаждением гладя ладошками плед, любовалась преображенной комнатой.

— Ух ты, как у тебя здорово, — заглянула Эрмилина. — А у меня все вещи еле-еле в шкаф влезли. Их столько теперь!

Она счастливо рассмеялась и впорхнула в комнату.

— Ты сумку собрала к завтрашнему дню?

Я без особого желания поднялась с кровати и отрицательно покачала головой. Мне как-то во все не хотелось собирать эту сумку. Тем более что понятия не имела, что в нее положить.

— Я помогу, — кивнула Эрмилина, выхватила из шкафа и протянула мне одну из тетрадок в золотистой обложке: — Это ежедневник. Тут будет все, что тебе необходимо на занятиях. Вот смотри!

Она перевернула первую страницу, и буквально на глазах там появилась надпись: «Занятие первое. Огненная боевая магия. Преподава-

тель — магистр Рониур. Занятие второе. Основы безопасности. Преподаватель — магистр Оглиутт. Занятие третье. Введение в щитоведение. Преподаватель — магистр Аунгрэн».

Магистр Рониур, огненная боевая магия. Я поехала, как только это прочитала.

Тот самый магистр Рониур, на глазах которого я взорвала то, что не взрывается.

Тот самый боевой маг, которого я снайперски сбила с ног на глазах у целой толпы студентов.

Мало того, еще и лежала на нем, даже не подумав слезть или откатиться в сторону, пока он сам меня не поднял. И после всего, что натворила, даже не извинилась!

Да уж, вряд ли он забудет нашу сногшибательную — в буквальном смысле этого слова! — встречу. И именно он будет вести мой самый первый урок в Академии. Повезло так повезло.

Но показывать свое беспокойство я не хотела даже Эрмилине. Поэтому, как и полагается добро-совестной студентке, молча сложила в сумку учебники, ежедневник, несколько тетрадей.

— А чем тут у вас пишут? — спросила я.

— Много чем. Но лучше взять зачарованное перо.

Она порылась в коробочке на второй полке и протянула мне серебристую палочку размером с шариковую ручку, может, чуть больше.

— Оно само исправляет ошибки и вообще очень удобное. Гораздо удобнее обычных ручек.